

«Худшей вещью
была бы попытка завоевать Россию
посредством поляков»:
враждебность Польши к России
на исходе Гражданской войны в отражении
“Documents on British Foreign Policy, 1919–1939”

Сергей В. Карпенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skarpenk@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются содержание и значимость документов, опубликованных в многотомном британском издании “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, выпущенном в свет после Второй мировой войны британским Министерством иностранных дел. Эти документы отражают все многообразие и всю сложность международных отношений в период между двумя мировыми войнами. Для обзора автор выбрал документы Парижской мирной конференции и других конференций ведущих держав Антанты, в которых отражена враждебность Польши по отношению к Советской России в 1919–1920 гг. Также в них отражены во взаимосвязи между собой различные факторы, которые питали эту враждебность и в конце концов привели Польшу к агрессии против Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской России. Эти же документы, как показано в статье, раскрывают различные и изменчивые подходы правящих кругов Великобритании, Франции и Италии к решению «русского вопроса», а также к использованию Польши как средства «контролировать» большевистскую Россию и «сдерживать» побежденную Германию. Очевидная ценность этих документов, по заключению автора, требует серьезного археографического и источниковедческого изучения многотомного издания “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”. И это, несомненно, окажет положительное влияние на дальнейшее изучение взаимоотношений России и Польши в период Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Антанта, Парижская мирная конференция, Польша, международные отношения, дипломатия, военное снабжение, русофобство, археография

Для цитирования: Карпенко С.В. «Худшей вещью была бы попытка завоевать Россию посредством поляков»: враждебность Польши к России на исходе Гражданской войны в отражении “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939” // История и архивы. 2020. № 2. С. 73–102. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-73-102

“The worst thing would be
an attempt to conquer Russia
by means of Poles”.
Poland’s hostility to Russia
at the end of the Russian Civil war
as reflected in the “Documents
on British Foreign Policy, 1919–1939”

Sergey V. Karpenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, skarpenk@mail.ru*

Abstract. The article covers the content and significance of the documents published in the British multi-volume edition entitled “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, which was released by the Foreign Office after World War II. Those documents reflect all the variety and complexity of international relations in the period between the two world wars. For survey, the author selected the documents of the Paris Peace Conference and of some other summits convened by the Entente’s leading nations – the documents that manifest Poland’s hostility to Soviet Russia in 1919–1920. The documents also reflect a number of interrelated factors accounting for that hostility and, finally, Poland’s aggression against Soviet Ukraine, Soviet Byelorussia and Soviet Russia. The same documents, as shown in the article, reveal the varied and variable approaches of the ruling circles in Great Britain, France and Italy to the resolution of the “the Russian issue” as well as to using Poland as a means of “controlling” the Bolshevik Russia and the “containment” of the defeated Germany. The apparent value of the documents in question, as the author concludes, requires a solid archaeological and source study of the multi-volume edition of the “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”. This is bound to benefit the ongoing research of the relations between Russia and Poland during the Russian Civil War.

Keywords: Russian Civil war, White Movement, Entente, Paris Peace Conference, Poland, international relations, diplomacy, military supplies, Russophobia, archaeography

For citation: Karpenko, S.V. (2020), “‘The worst thing would be an attempt to conquer Russia by means of Poles’. Poland’s hostility to Russia at the end of the Russian Civil war as reflected in the ‘Documents on British Foreign Policy, 1919–1939’”, *History and Archives*, no. 2, pp. 73–102. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-73-102

Введение

Чтобы разобраться в событиях Гражданской войны в России – точнее, в том, что В.П. Булдаков назвал «многообразием хаотично взаимосвязанных событий», – важно не упустить ни одного явления, ни одного процесса, ни одного фактора, определявшего «текущие успехи и неудачи» [Булдаков 2019, с. 127, 128] противников. Даже если речь идет о чем-то весьма отдаленном от правительственных кабинетов (большевиков и их противников всех мастей), военных штабов (красных, белых и «зеленых») и линий фронтов, постоянно и раздольно перемещавшихся по телу России и раздиравших его до глубоких рваных ран и обильной крови.

Одним из подобных факторов, который сюжетно развивался в залах заседаний Парижской мирной конференции и последующих конференций Верховного совета Антанты, является борьба победителей в Первой мировой войне за послевоенное переустройство мира. А одним из стержневых вопросов этого самонадеянного и близорукого переустройства был «русский вопрос» [Штейн 1949, с. 5–10]. «Версальские победители», считавшие себя непобедимыми, стремились решить его как можно дешевле, но надежнее, причем таким образом, чтобы Россия никогда больше – независимо от того, кто «воцарится» в Москве, – не возродилась как великая держава.

Их колебания между дешевизной и надежностью неизбежно диктовали им необходимость заботливого взращивания и широкого использования враждебности к Советской России, Советской Украине и Советской Белоруссии со стороны их соседей, совсем недавно отколовшихся от Российской империи и обретших государственную самостоятельность. Прежде всего – Польши, быстро растущая и крепнущая армия которой стояла на самом коротком, «наполеоновском», пути к Москве.

Особая трудность изучения этого сюжета – роль Польши как инструмента решения «русского вопроса» – для советских и российских историков состояла и состоит в малой доступности архивных источников. Документальные публикации на иностранных языках содержат большой объем ценных сведений, но в работе с этим источником есть свои, особые, сложности.

Одной из таких публикаций является 27-томник “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, выпускавшийся британским Министерством иностранных дел с 1947 по 1986 г. В частности, в него вошли отобранные и тщательно отредактированные протоколы заседаний и другие, относящиеся к обсуждаемым вопросам, документы Парижской мирной конференции и последующих конференций Верховного совета Антанты за 1919–1922 гг.

Первым историком, использовавшим эту чрезвычайно информативную и интересную, но крайне трудную для анализа документальную публикацию, был Борис Ефимович Штейн (1892–1961). Карьерный «чичеринский» дипломат, член делегации СССР в Лиге Наций, в годы Второй мировой войны и позже он трудился на научно-педагогическом поприще, стал доктором исторических наук, арестовывался в ходе «борьбы с космополитизмом».

В 1949 г. Госполитиздат выпустил его монографию «“Русский вопрос” на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.)» [Штейн 1949]. Очень подробно и профессионально с точки зрения международных отношений и дипломатической практики он раскрыл рассмотрение «русского вопроса» в контексте различных аспектов деятельности Парижской мирной конференции, включая политику держав Антанты по отношению к Польше.

В качестве основного документального источника Б.Е. Штейн использовал американское многотомное издание “Papers Relating to the Foreign Relations of the United States”, во многом аналогичное британскому “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, которое было использовано им в значительно меньшей степени. При этом во введении к монографии он, вопреки научной традиции, ни словом не охарактеризовал эти документальные публикации как исторические источники.

Важная особенность использования Б.Е. Штейном дипломатических документов Антанты состоит в их обстоятельном пересказе, но не цитировании, что – и это вполне понятно – облегчало ему интерпретацию их содержания в соответствии с идеологическими установками «послевоенного сталинизма». Но все же обильное цитирование В.И. Ленина и И.В. Сталина, как и идеологическая составляющая монографии в целом, не сильно снижают ее научный уровень в сегодняшней историографической ситуации.

В 1958 г. Политиздат выпустил в свет вторую монографию Б.Е. Штейна о «русском вопросе» в политике держав Антанты, охватывающую 1920 и 1921 гг. [Штейн 1958]. В ней он в незначительной мере использовал американское издание дипломатических документов и совершенно не использовал британское.

В настоящей статье освещается содержательная сторона документов Парижской мирной конференции и последующих конфе-

ренций Верховного совета Антанты, в которых отразилось обсуждение «русского вопроса» руководителями ведущих держав Антанты в неразрывной взаимосвязи с Польшей и ее собственной политикой в «русском вопросе», проводимой ею в 1919–1920 гг.

*«Заколдованный круг» материальной помощи
Антанты армии Деникина
и антироссийская инициатива Польши*

Масштабы и условия получения Вооруженными силами на юге России (ВСЮР) под главным командованием генерала А.И. Деникина финансовой и материальной помощи от стран Антанты определялись многими факторами. Одним из решающих факторов были взаимоотношения между членами Антанты в целом и единство в «русском вопросе» в частности. Начало 1919 г. стало переломным как в политике союзников в «русском вопросе», так и в ее восприятии командованием ВСЮР. Политика Антанты стала, по выражению Деникина, «непонятной, извилистой и губительной» для антибольшевистских сил¹.

Начав снабжение ВСЮР в феврале 1919 г. и даже не поднимая вопроса о его оплате или компенсациях, военные и дипломатические представители Великобритании в то же время никогда не давали генералу Деникину заверений, а тем более не брали на себя четких обязательств, что материальная помощь будет безграничной как по продолжительности, так и в количественном отношении. Напротив, они постоянно подчеркивали ограниченность своих возможностей. Прежде всего по той причине, что британская экономика значительно пострадала от мировой войны, и лишь победная эйфория, владеющая населением, помогала пока удерживать социальную напряженность в каких-то рамках и не допустить серьезных выступлений рабочих против вмешательства в дела России [Карпенко 2009, с. 198, 199, 201, 202].

Немалые надежды на увеличение материальной помощи главнокомандующий генерал Деникин и все командование ВСЮР связывало с признанием союзниками верховной всероссийской власти адмирала А.В. Колчака. В мае–июне, казалось, это признание уже близко. Однако никакого заявления относительно фактического признания Омского правительства как общероссийского из Лондона и Парижа не последовало². 16 июня Ч. Элиот, глава британской

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. Берлин, 1925. Т. 4 С. 242.

² Documents on British Foreign Policy, 1919–1939: First Series. Vol. III: 1919. L., 1949. P. 376, 377.

дипломатической миссии при Омском правительстве, сообщил в Лондон министру иностранных дел Дж. Керзону, что адмирал Колчак и члены его правительства очень разочарованы тем, что не получили от Антанты определенного и ясного заявления о признании. При этом он сообщал о беспокойстве, которое испытывали в Омске по поводу оказания союзниками материальной помощи в связи с высокой вероятностью зимней кампании 1919/20 г. Самыми острыми вопросами являлись: будет ли продолжаться снабжение снаряжением и амуницией? можно ли будет получить кредиты или союзники, как обычно, будут требоваться платить за снабжение наличными? получит ли Россия заем от держав Антанты?³.

В ответ Керзон послал 21 июня телеграмму Элиоту в Омск, в которой разъяснил основы британской политики в отношении антибольшевистских сил, включая армию Деникина. Главное состояло в указании на то, что часть населения Великобритании, «с большим основанием для подозрений», считает, что союзники поддерживают «чрезвычайно реакционные элементы» в России. И каждый акт Колчака, Деникина или их представителей, ведущий к укреплению этого взгляда, используется как аргумент, чтобы помешать оказывать их армиям материальную помощь⁴.

Генерал Деникин воспринял такую позицию Великобритании и всей Антанты как «остановку на полпути». Главную ее причину он видел в ином: ведущие державы Антанты, прежде всего Великобритания, действовали в соответствии со своими корыстными интересами, а потому не хотели в широком масштабе материально поддерживать Белое движение, пока оно не добьется решающих успехов и пока победа над большевиками не станет очевидной. «Все дело было в наглядном проявлении нашей силы, – заключал Деникин. – Но успех наш зависел во многом от широкой помощи союзников, а помощь их ставилась в зависимость от нашего успеха. Получался заколдованный круг»⁵.

После того как поражение армий Колчака на Восточном фронте Гражданской войны стало очевидным, 21 августа Керзон направил пространное письмо находившемуся в Париже на Мирной конференции британскому министру иностранных дел А. Бальфуру (Керзон совместно с ним занимал эту должность), в котором обосновывалось решение британского правительства о сосредоточении всей материальной помощи на армии Деникина.

В письме, в частности, отмечалось, что армия Деникина находится на юге России в более выигрышном положении по сравне-

³ Ibid. P. 393.

⁴ Ibid. P. 393, 394.

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 100.

нию с другими антибольшевистскими армиями на других фронтах. Несмотря на то что весной ему пришлось отступить под натиском советских войск, в течение лета он имел успех в отношении противостоящих ему советских армий и теперь глубоко продвинулся вглубь России. Согласно полученным докладам, его наступление приветствуется населением занятой территории, и потому есть хорошие основания полагать, что снабжение Деникина позволит ему, с одной стороны, облегчить положение армии Колчака на сибирском фронте, с другой – отбросить советские войска к Москве. Далее приводились цифры расходов, понесенных британской казной в ходе интервенции в Россию и поддержки антибольшевистских сил (около 94 млн ф. ст.), и утверждалось, что Великобритания в значительной степени исчерпала свои возможности поддерживать антибольшевистские силы.

В заключение высказывалась та точка зрения, что союзные державы должны рассмотреть вопрос о дальнейшей военной, материальной и финансовой помощи антибольшевистским силам в России и распределить между собой все финансовые затраты и сферы действий. Этот вопрос предлагалось обсудить на ближайшем заседании глав делегаций на Парижской мирной конференции⁶.

Впервые на заседании Верховного совета Антанты тему снабжения армии Деникина предложил для обмена мнениями британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж 15 сентября 1919 г. По ходу дискуссии он неожиданно для всех заявил, что хотел бы обсудить «русский вопрос». Прежде всего – предложение, сделанное ему премьер-министром и министром иностранных дел Польши И. Падеревским, известным пианистом и композитором.

Поступившее из Варшавы предложение заключалось в следующем: в Польше сформирована армия в 500 тыс. человек для похода на Москву, и если союзники пожелают, чтобы поляки начали наступление на Москву, он, Падеревский, готов это сделать, но это будет стоить как минимум 600 тыс. ф. ст. в день. Уточнив, что в действительности (видимо, если считать не по-польски, а по-английски) это будет стоить 1 млн ф. ст. в день, Ллойд Джордж обратился к участникам заседания с вопросом: «Кто будет готов заплатить за это?» И тут же напомнил, что «Деникин имеет еще 500 тыс.», и эта армия, уже воюющая с большевиками, тоже должна кем-то оплачиваться⁷.

Председатель Совета министров Франции Ж. Клемансо заявил, что у Франции нет денег для оплаты войны Польши против России.

⁶ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Vol. III. P. 522, 525, 526.

⁷ Ibid. Vol. I: 1919. L., 1947. P. 689.

И заметил многозначительно: «Худшей вещью была бы попытка завоевать Россию посредством поляков», ибо это «объединило бы всю Россию против них». Можно предположить, что французский премьер-министр имел в виду, что «объединило бы всю Россию» скорее вокруг Ленина и Троцкого, правивших Россией из Москвы, чем вокруг Колчака и Деникина. И также можно предположить, что присутствующие именно так и поняли его. В ту эпоху политики хорошо знали историю и умели извлекать из нее уроки.

Следом за Клемансо премьер-министр Италии Т. Титтони и исполняющий обязанности государственного секретаря США, глава делегации США на Парижской мирной конференции Ф. Полк дали ясно понять, что и у их стран нет денег, чтобы заплатить польской армии за поход на Москву⁸.

В итоге польская инициатива (по крайней мере, если воспринимать текст протокола заседания чисто внешне, буквально) осталась проигнорированной как заведомая авантюра в обычном шляхетском духе [Карпенко 2009, с. 204, 205]. Проигнорированной, но, разумеется, не забытой.

В октябре, в период наибольших успехов ВСЮР (занятие, по выражению британского военного министра У. Черчилля, «хлебных и угольных центров России»), британское правительство все менее склонно было координировать свою политику в «русском вопросе» с союзниками, прежде всего с Францией.

Так, на проекте меморандума об основах этой политики, который предлагалось отправить союзникам и в котором говорилось о «желательности» обсуждения на Парижской мирной конференции касавшихся России вопросов, прежде всего вопроса об оказании каждым государством конкретной помощи антибольшевистским силам в России, Керзон наложил выразительную резолюцию: «Нет возражения против отправки меморандума. Но если кто-нибудь достаточно оптимистичен, что верит, будто умирающая конференция в своей смертельной агонии способна выработать русскую политику, я не тот человек. Я считаю гораздо более выгодным сформулировать и проводить нашу собственную русскую политику в доступных нам границах (финансовых, политических и географических) и информировать Париж, когда мы уже сделаем это»⁹.

Однако с конца октября в Лондон начали поступать сообщения о поражениях армии Деникина и ее отступлении от Москвы. Это стало для правительства Ллойд Джорджа большой и крайне неприятной неожиданностью. 17 ноября, выступая в Палате общин при обсуждении «русского вопроса», Ллойд Джордж констатировал,

⁸ Ibid. P. 694.

⁹ Ibid. Vol. III. P. 592.

что «всякий раз, когда антибольшевистские войска в своем наступлении доходили до известной линии, их наступление терпело крушение». И заявил, вызвав общее одобрение: «Англия не может взять на себя бесконечное финансирование гражданской войны в России. Прежде всего мы должны позаботиться о нашей стране... Я боюсь авантюры в странах, условия которых нам неизвестны и где все завоевания всегда кончались катастрофой». И тем более, отметил он, материальная помощь является делом спорным, когда «единая неделимая Россия», за восстановление которой воюют Колчак и Деникин, представляет собой «самую грозную опасность» для Великобритании. Вывод его был окончателен и оспариванию не подлежал: «Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России»¹⁰.

«Новая политика» Антанты в «русском вопросе» и ставка на Польшу как «барьер» против России и средство «сдерживания» Германии

С 11 декабря 1919 г. по 21 января 1920 г. в Лондоне и Париже состоялись последние встречи премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии и Японии, а также экспертов делегаций этих стран в рамках Парижской мирной конференции. После подписания мирных договоров с Германией и Австрией лидеры ведущих держав Антанты на своих заседаниях стали больше времени уделять «русскому вопросу», острота, сложность и цена которого, кажется, только теперь стала осознаваться ими в полной мере.

На первом же заседании – 11 декабря – был поднят вопрос о положении в России. В ходе обмена мнениями Клемансо предложил «уйти из России», не тратить больше денег на поддержку воюющих антибольшевистских армий, но «присматривать» за антибольшевистскими государственными образованиями, «окружая их, как и прежде, ограждением из колючей проволоки», и подождать, как сложится их дальнейшая судьба. Ллойд Джордж и Керзон – внешне по крайней мере – с ним согласились¹¹.

12 декабря обсуждение «русского вопроса» возобновилось. Клемансо заявил, что рано утром его посетил военный министр Черчилль, известный своими «очень твердыми взглядами на вопрос России». Присутствующим эта «твердость», т. е. решимость

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 171, 179.

¹¹ Documents... Vol. II: 1919. L., 1948. P. 735, 736.

и дальше тратить британские деньги на поддержку армии Деникина, была хорошо известна, особенно Ллойд Джорджу.

Из дальнейших слов Клемансо выяснилось, что они с военным министром Великобритании согласились почти по каждому пункту.

Первый: не может быть мира в Европе до тех пор, пока Россия остается в своем нынешнем состоянии «анархии, беспорядка, грабежа, преступлений и бунта», ибо это – «опасность не только для самой России, но и для всего мира в целом».

Второй: интервенция была испробована всеми средствами – людьми, снабжением и деньгами, – но результат не достигнут, ибо противники большевиков внутри России доказали свою «недееспособность».

Третий: после поражения и отступления Колчака, которому была оказана большая материальная помощь, союзники поверили в Деникина, и большие усилия по его поддержке были сделаны Великобританией и, в некоторой степени, также Францией, однако и Деникин сейчас отступает.

Из всего этого был сделан вывод: кажется бесполезным продолжать эти линии и необходимо соорудить «ограждение из колючей проволоки» вокруг большевистской России, чтобы не дать Германии вступить с ней в отношения политического или военного характера.

В итоге Клемансо заявил, что отказывается от всех идей дальнейшей интервенции в Россию, ибо все усилия в этом направлении окажутся «расточительными в будущем, как были в прошлом», и только ведут людей к убеждению, что союзники желают «воскресить старый режим в России», а главное теперь – укреплять Польшу, чтобы посредством ее «контролировать» Россию и «сдерживать» Германию¹².

Вслед за Клемансо слово взял Ллойд Джордж. Он сообщил присутствующим, что Великобритания потратила в России около 100 млн ф. ст., частично на Архангельскую экспедицию, но большей частью на поддержку Деникина. Эта сумма включает последний «пакет» в 15 и 16 млн ф. ст., которые будут переданы к концу марта. Взамен же Великобритания «не получила много». Поскольку армия Деникина отступает, Палата общин «обеспокоена». По его мнению, Великобритания и Франция «не готовы продолжать помощь материального характера» антибольшевистским силам¹³. Таким образом, в отличие от Клемансо, который не стал громогласно, для протокола, называть очень скромные цифры финансовых затрат на оказание помощи антибольшевику в России, Ллойд Джордж назвал цифру в 100 млн ф. ст.

¹² Ibid. P. 744, 745.

¹³ Ibid. P. 745.

Итог обсуждению и всем предложениям подвел Керзон, сформулировав его в следующих положениях: окружить Россию «ограждением из колючей проволоки», внутрь которого союзники проникать не будут, положить конец снабжению антибольшевистских вооруженных сил и использовать Польшу одновременно как «барьер» против России и как «средство контроля» за Германией. Однако он тут же оговорился, что «союзники не могут точно нарисовать линию, когда начнется новая политика», помощь Деникину будет послана на всю выделенную сумму, на что требуется время, и вообще «эта новая политика не будет принята со слишком большой точностью, и определенная свобода действий будет разрешена»¹⁴.

На заседании 13 декабря Ллойд Джордж предложил проект решения конференции, согласованный между ним и Клемансо. Политика Антанты в «русском вопросе» была сведена к трем пунктам.

Первый: не давать «антибольшевистским элементам» в дальнейшем каких-либо обязательств сверх того, что уже было обещано в качестве предоставляемой помощи, в форме ли войск, военных материалов и финансовой помощи, но оставить им свободу покупать военные материалы в союзных странах за собственные средства.

Второй: каждая союзная держава свободна решать, оставлять ли в России политические и другие миссии, которые прикомандированы к «антибольшевистским элементам» или отправка которых, возможно, уже решена.

Третий: покидать Россию, выходя за «кольцо ограждения из колючей проволоки».

При обсуждении этого проекта представители Италии, США и Японии с ним в целом согласились¹⁵.

Принятие согласованного итогового документа, однако, не скрыло существенных разногласий между Великобританией и Францией.

Во-первых, разногласия касались вопроса о сохранении единства России. Правительство Великобритании намеревалось выстроить «ограждение из колючей проволоки» вокруг большевистской России из государств, образовавшихся на национальных окраинах, а также Румынии и территории, еще занимаемой ВСЮР. Что же касается Клемансо, то он счел необходимым особо подчеркнуть, что союзники не должны расчленять Россию.

Во-вторых, в отличие от Великобритании Франция проявила подчеркнутое равнодушие к судьбе армии Деникина, предпочитая,

¹⁴ Ibid. P. 746, 747.

¹⁵ Ibid. P. 764, 765.

вероятно, чтобы Великобритания и далее, до самого конца, оставалась главной материальной и военной опорой ВСЮР. Представители же Великобритании, особенно Керзон и Черчилль, постоянно подчеркивали свою заинтересованность в продолжении еще какое-то время помощи Деникину, надеясь, что территория ВСЮР станет одним из элементов того самого «ограждения из колючей проволоки», особенно ценного тем, что ВСЮР смогут прикрыть Закавказье от вторжения большевиков.

Похоже, именно тогда, в декабре 1919 г., в восприятии военно-политического руководства держав Антанты «русский вопрос» прочно связался с «германским вопросом». И возможный союз побежденной, униженной и ограбленной Германии с большевистской Россией стал самым страшным сном правящих кругов в Лондоне и Париже. А это дало правителям в Варшаве, как они сами считали, исторический шанс вернуться в разряд ведущих государств Европы путем возрождения «Великой Польши от моря до моря» (т. е. от Балтийского до Черного моря, побережья которых были некогда границами Речи Посполитой).

*«Безнадежное положение» закавказских государств
и поражение армии Деникина как побудительные факторы
«смертельного риска» Польши*

Тем временем, чтобы упрочить положение ВСЮР на территориях юга России, которые они еще удерживали (особенно в Крыму, который британцы рассчитывали превратить во «второй Гибралтар»), Керзон вознамерился добиться от генерала Деникина отказа от восстановления «единой и неделимой России», в частности нормализовать отношения с Польшей, сделав заявление о признании ее прав на Восточную Галицию, которая была передана ей решением Парижской мирной конференции. Тогда, по расчетам Керзона, Деникину было бы легче установить хорошие отношения с Варшавой, а там открылась бы возможность получения от поляков военной и материальной помощи¹⁶.

К Деникину была направлена миссия во главе с членом парламента Х. Мэкиндером в качестве специального комиссара на юге России. Снабженный подробной инструкцией от Керзона, он прибыл в январе 1920 г. в Ставку главнокомандующего ВСЮР. С самим Деникиным ему повидаться не удалось: тот находился на фронте. Тем не менее в ходе встречи с членами правительства при главнокомандующем ВСЮР, он, как ему самому показалось,

¹⁶ Ibid. Vol. III. P. 673–676.

сумел убедить их в неизбежности и благотворности мер, предлагаемых Керзоном¹⁷.

В итоге правительство при главнокомандующем ВСЮР согласилось, в частности, признать решение Парижской мирной конференции о передаче Польше Восточной Галиции, однако при условии немедленного перехода польской армии в «широкое наступление» на Москву. Но генерал Деникин, утверждая постановление своего правительства, часть, касающуюся Польши, переиначил: он решил ограничиться заявлением, что граница между Россией и Польшей будет установлена на этнографической основе после разгрома большевиков.

Мэкиндер, совершенно не удовлетворенный такой позицией Деникина, перед отъездом обратно в Лондон пообещал вернуться и устроить встречу Деникина с Ю. Пилсудским¹⁸. Встреча эта так и не состоялась.

Между тем 10 января 1920 г. в Париже на очередном заседании Верховного совета Антанты Ллойд Джордж поднял вопрос о ситуации на Кавказе. Он заявил, что с Кавказа получены очень тревожные вести: большевики продвигаются к Каспийскому морю и если, совершенно разбив армию Деникина, они достигнут моря и возникнет возможность соединения с ними турок, это поставит кавказские государства в «безнадежное положение». И предложил Верховному совету принять решение поддержать эти государства посылкой им оружия и амуниции, чтобы они могли остановить продвижение Красной армии.

Клемансо, взяв слово, не стал подчеркивать своего беспокойства по поводу ситуации на Кавказе, тем самым показывая, что касается она прежде всего Великобритании, поскольку затрагивает именно ее интересы. Он предложил британской делегации подготовить проект меморандума от Совета глав государств Военному совету в Версале. Это предложение и было принято¹⁹.

В тот же день на совещании министров иностранных дел его участники поддержали предложение Керзона признать правительства Грузии и Азербайджана де-факто в целях оказания им политического содействия и облегчения снабжения²⁰.

12 января ситуацию на Кавказе обсудил Межсоюзный военный комитет.

Судя по военной четкости формулировок и категоричности выводов документа, ставшего итогом этого обсуждения и передан-

¹⁷ Ibid. P. 790–792.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 305, 306.

¹⁹ Documents... Vol. II: 1919. P. 725.

²⁰ Ibid. P. 796, 797.

ного в Верховный совет, верховное командование Антанты, прежде всего французский маршал Ф. Фош и британский фельдмаршал Г. Уилсон, считало поражение ВСЮР свершившимся, а военную ситуацию, с точки зрения борьбы за центр России, – необратимой. Главная идея документа состояла в том, что «невозможно свергнуть большевизм на его собственной земле», но возможно предотвратить его распространение по определенным опасным направлениям, одним из которых является Кавказ. Ввиду нестабильного положения закавказских правительств и недоразвитого состояния их вооруженных сил антибольшевистский «барьер» может быть в первую очередь организован из двух европейских дивизий. Со временем эти две дивизии могли бы быть сменены местными вооруженными силами, которые требуется как можно скорее реорганизовать и снабдить всем необходимым. При чем организация «барьера», сверх финансовых и материальных расходов, требовала по меньшей мере трех месяцев.

И именно в связи с этим сроком верховное командование делало ставку на использование ВСЮР: «Элементы армий генерала Деникина... несмотря на их неудачи, составляют единственную силу в этих регионах, которая имеет военную ценность, могут благоприятно продолжать борьбу с целью недопущения приближения большевиков к Кавказу и предоставления необходимого времени для организации оборонительного “барьера”». Вывод был сделан в «лучшей» англо-саксонской традиции, столь же трезвый и расчетливый, сколь и циничный: «Не имея возможности предвидеть период времени, в течение которого их сопротивление будет эффективным, – возможно, недолгий период, – необходимо рекомендовать продолжать оказывать им материальное содействие в сфере их возможных действий»²¹.

14 января главы правительственных делегаций Великобритании, Франции и Италии – Ллойд Джордж, Клемансо и Нитти – обсудили торговую политику в отношении России, для чего специально были приглашены эксперты по международной торговле. В основу обсуждения был положен британский меморандум о восстановлении торговли с Россией. Этот меморандум, названный «Экономические аспекты британской политики в России», был подготовлен 6 января Э. Уайзом, представителем Великобритании в Верховном экономическом совете, и 7 января был представлен Керзоном британскому правительству.

Прежде всего в нем приводились внушительные данные об объемах экспорта из России в европейские страны перед мировой войной различных видов продовольствия, сырья и топлива, которые

²¹ Ibid. P. 925, 926.

показывали, сколь велика роль России в европейской экономике. Причем на Германию приходилось 30 % всего российского экспорта, на Великобританию – 21 %, на Францию и Италию вместе – 10%. Далее приводились данные из британских источников, согласно которым с территории, осенью 1919 г. занимавшейся ВСЮР, можно было экспортировать от 1 до 4 млн тонн зерна, и аналогичные экспортные возможности имела территория, которую летом 1919 г. занимали армии Колчака. Наконец, анализировались результаты прекращения экспорта из России в ходе войны и блокады. Важнейшим результатом экономической изоляции России стал рост цен на мировом рынке. Европейские страны вынуждены были покупать то, что раньше привозилось из России, в Америке по более высоким ценам, прежде всего зерно²².

Исходя из вышеизложенного, меморандум предлагал три варианта дальнейшей торговой политики по отношению к России.

Первый предусматривал продолжение экономической блокады РСФСР и непризнание ее правительства, возглавляемого Лениным, при дальнейшем оказании моральной, но не материальной поддержки антибольшевистским армиям. Этот вариант изначально признавался неэффективным прежде всего с той точки зрения, что за последнее время большевики захватили огромные запасы зерна и донецкого угля, продвигаются к каспийской нефти и, вероятно, овладеют значительной долей военных запасов армий Колчака и Деникина. Также Красная армия «в ближайшее время» могла захватить Ростов вместе с главной железной дорогой на Кавказ и ремонтными мастерскими – единственными, на которые ВСЮР могли полагаться (на момент обсуждения Красная армия уже взяла Ростов-на-Дону). Все это вместе взятое позволяло большевикам за короткое время улучшить положение с транспортом, а с ним экономическую и общую ситуацию в стране.

Второй вариант предусматривал полное политическое признание советского правительства. По мнению Уайза, это «увеличивало политические проблемы», однако экономических результатов этого варианта можно было, по его мнению, добиться при помощи третьего варианта.

Этот третий вариант, позволяя избежать формального признания советского правительства, сводился к отмене блокады и восстановлению торговых отношений с Россией в целом вместе с принятием мер против распространения большевистской пропаганды за пределы РСФСР и исключением ввоза в нее военных материалов. Отправка в Россию промышленных товаров и вывоз из России сырья и продовольствия могли быть начаты очень скоро, причем

²² Ibid. P. 867, 868.

возможность быстрого вывоза с юга России зерна обосновывалась тем, что Красная армия «в самом скором времени» должна занять Одессу с ее большим и хорошо оборудованным торговым портом (это также уже произошло на момент обсуждения)²³.

В аргументах Уайза, политический прагматизм (уже гранью цинизма) которых сочетался с явным примитивизмом представлений о большевиках и недооценкой их политической целеустремленности, впервые четко был сформулирован главный вывод, который британское правительство сделало из снабжения белых армий и фактов захвата их материальной части Красной армией. И вывод это был совершенно обескураживающим: ввоз в Россию вооружения и амуниции для антибольшевистских правительств и их армий был не просто бессмыслен и убыточен, а опасен, ибо на деле превратился в способ снабжения большевиков, которые могли использовать это вооружение для снабжения противников Великобритании (кемалистской Турции и других).

Приглашенный для участия в обсуждении представитель «русских кооперативных организаций» А.М. Беркенгейм высказался в том смысле, что единственным средством борьбы против большевиков является снабжение населения тем, в чем оно нуждается, и установление «торговых связей с населением» через единственную организацию, которая существует на территориях как большевистской России, так и антибольшевистской России, – кооперативы. Давая оценку экономического состояния страны в целом, он заявил, что на территории, находящейся под властью большевиков, экономика «практически умерла», а на антибольшевистской территории «механизм частной торговли практически исчез и заменен огромной спекуляцией», наносящей страшный ущерб населению. Именно результатом «бесконтрольной спекуляции» он объяснил поражение антибольшевиков как в Сибири, так и на юге России.

При этом Беркенгейм, за позицией которого стоял очевидный интерес крупных кооперативных объединений монополизировать торговые связи между Россией и Европой, умолчал об одном обстоятельстве: экономика на большевистской территории «умерла» не по каким-то естественным причинам, и даже не по причине блокады, а в результате целенаправленных мер по ее огосударствлению, а это означало, что точно так же, по воле большевистского правительства, могли быть огосударствлены и кооперативы. Как умолчал он и о том, что правительство Ленина уже давно национализировало внешнюю торговлю.

По протоколу трудно судить: лидеры Антанты эту экономическую утонченную полуложь предпочли не заметить или действитель-

²³ Ibid. P. 869, 870.

но не заметили. Видимо, их слишком взволновали услышанные цифры возможного экспорта из России сырья, словно оно, загруженное на суда, уже плыло к европейским берегам. Особенно к тем, что плотно окутаны туманом. Ллойд Джордж поинтересовался, как много муки может экспортировать Россия. Беркенгейм скромно ответил, что он располагает данными только по югу России, где в 1919 г. был собран рекордный урожай, а излишек для экспорта достигает 10 млн тонн²⁴.

После длительного обсуждения, во время которого, согласно протоколу, никто не высказал ни малейших опасений в том, что правительство Ленина может повернуть эту ситуацию к собственной выгоде, Ллойд Джордж сформулировал два тезиса, которые легли в основу аргументации за отмену блокады России и восстановление с ней торговых связей.

Первый: восстановление торговли с Россией снизит цены, активизирует торговлю как между Великобританией, Францией и Италией, так и внутри каждой из этих стран, даст толчок экономическому восстановлению и дальнейшему развитию Европы.

Второй: возобновление торговли разрушит большевистское государство, так как с момента ее возобновления коммунизм из России «начнет уходить».

В итоге решено было создать специальный комитет из экспертов трех стран во главе с Уайзом для изучения вопроса о возобновлении торговли с Россией без признания большевистского правительства. Комитет должен был как можно скорее доложить Верховному совету результаты своей работы и рекомендации²⁵.

15 января доклад комитета уже был готов. Странам Антанты предлагалось начать вывоз продовольствия и сырья из российских портов Черного и Балтийского морей и ввоз в Россию промышленных товаров через кооперативные организации. Вопрос о каких-либо политических контактах с большевистским правительством не ставился²⁶.

16 января этот документ обсудили члены Верховного совета. В целом идея была одобрена.

Но все же Клемансо, изрядно опасавшийся того, что возобновление торговли с Россией будет истолковано как шаг к признанию советского правительства, высказал пожелание, чтобы в заявлении для печати на этот счет было бы сказано как можно меньше. Ллойд Джордж возразил ему, высказавшись в том смысле, что нецелесообразно заявлять в твердых терминах, что страны Антанты не при-

²⁴ Ibid. P. 871, 872.

²⁵ Ibid. P. 874, 875.

²⁶ Ibid. P. 898, 899.

знают правительство большевиков, ибо это «внесло бы в документ раздражающую, провоцирующую ноту». А когда член французской делегации Камерер высказал опасение по поводу того, что большевики могут заявить, что это решение союзных держав означает снятие блокады, Ллойд Джордж заявил, что блокада уже практически снята, поскольку британские военные корабли уже выведены из вод, прилегающих к российским берегам²⁷.

Аргументы британского премьер-министра показывают, что все-таки он имел некоторые представления о возможности правительства Ленина создать серьезные трудности установлению торговли «через кооперативы». Поэтому он тщательно избегал перевода дискуссии в эту плоскость, вероятно, предполагая, что исключительно его правительство возьмет на себя решение этих трудностей – вместе с доходами от торговли, естественно. Судя по всему, Лондон был преисполнен решимости заполучить безраздельно ту долю российского экспорта, которая до войны доставалась Германии. И заинтересованность эта была столь велика, что он рискнул поставить своих союзников перед свершившимся фактом снятия блокады России силами британского флота – свершившимся прежде всего в интересах Великобритании.

В итоге обсуждения было принято решение о возобновлении торговых отношений с Россией через кооперативные организации. В заявлении для печати подчеркивалось, что это решение не означает какого-либо изменения политики союзников в отношении советского правительства²⁸.

На том же заседании Верховный совет Антанты обсудил вопрос о положении на Кавказе, поводом для чего стало заявление представителей Грузии и Азербайджана на Парижской мирной конференции – И. Церетели и М. Магеррамова.

Поблагодарив за признание их правительств де-факто, они попросили гораздо большего. Во-первых, чтобы союзники по Антанте никак не мешали их намерению полностью отделиться от России и восстановить независимость, которую они имели «в прошлом». Во-вторых, оказать им финансовую, политическую и военную помощь для защиты своей независимости от покушений, с одной стороны, Деникина, с другой – большевиков. Далее, в ходе ответов на вопросы представители Грузии и Азербайджана ясно дали понять, что их куда сильнее беспокоят враждебные намерения Деникина, чем большевиков. При этом Церетели заверил, что грузинская армия, хотя и не желает наступать, вполне способна к обороне²⁹.

²⁷ Ibid. P. 894, 895.

²⁸ Ibid. P. 899.

²⁹ Ibid. P. 896, 897.

В ходе дискуссии явственно, как никогда прежде, обнаружилось расхождение между Ллойд Джорджем и Клемансо. Французский премьер-министр высказал сомнение в том, что кавказские государства в состоянии защитить себя.

Ллойд Джордж, напротив, выразил уверенность, что «кавказские племена» окажут наиболее значительное сопротивление большевикам, сославшись на то, «в прошлом русские потратили очень долгое время, чтобы завоевать их». Выразив удовлетворение тем, что представители Грузии и Азербайджана не требуют посылки войск союзников, он предложил «пока» посылать им военное снаряжение.

Клемансо согласился, оговорившись, однако, что только в том случае, если есть, что посылать. Ллойд Джордж на это заметил, что Великобритания имеет достаточно снаряжения, и он полагает, что Франция тоже. Клемансо возразил, что все это через Деникина досталось большевикам. Такой репликой, весьма небезобидной для англичан, он ясно дал понять свою позицию: раз большая часть поставок, которые направлялись армии Деникину, из-за его поражения досталась Красной армии, то же самое, скорее всего, произойдет и с тем снабжением, которое англичане предлагают теперь посылать закавказским государствам.

Тогда Ллойд Джордж заявил, что большая часть снаряжения, предназначенного Деникину, в настоящее время находится на пути в Черное море и он хотел бы перенаправить его от Деникина в Грузию и Азербайджан. Более того, он выразил уверенность в том, что большое количество военных материалов еще находится в Новороссийске и их также можно будет перевезти на Кавказ³⁰. Эта зафиксированная в протоколе уверенность британского премьер-министра являлась следствием либо неведения, либо намеренного обмана: уже выгруженными в порту Новороссийска и складированными в городе материалами распоряжалось Управление главного начальника снабжений ВСЮР, а не британская военная миссия [Карпенко 2009, с. 198, 199, 204].

Окончательное решение вопроса было перенесено на заседание 19 января с участием французского маршала Фоша и британского фельдмаршала Уилсона.

Оба они остались на прежних позициях: хотя поражение ВСЮР Деникина – свершившийся факт, остатки его войск представляют собой единственную силу, способную сдержать продвижение Красной армии, и поэтому необходимо продолжать их военное снабжение если не ради самого Деникина и его власти, то ради того, чтобы его войска прикрыли организацию обороны в закавказских госу-

³⁰ Ibid. P. 897, 898.

дарствах. Посылку же военных материалов Грузии и Азербайджану они считали бесполезной, пока там не заняли позиции сухопутные войска союзников, а британский флот не установил полный контроль над Каспийским морем, иначе все посланное снабжение непременно попадет в руки большевиков.

Твердая позиция начальника Имперского Генерального штаба фельдмаршала Уилсона, поддержанная военным министром Черчиллем, по сути, шла в разрез с новым политическим курсом премьер-министра Ллойд Джорджа.

Фактически в британской делегации произошел раскол, и режиссером его, наверняка, являлся Черчилль, явно намеренный совместно с Клемансо и верховным командованием убедить своего премьер-министра, что самый надежный «барьер» против большевистской России – это армия генерала Деникина, а потому надо снабжать именно ее. И более того, явно согласовав свои шаги с Уилсоном и через него с Фошем, он попытался воспользоваться «кавказской идеей» премьер-министра и втянуть британские сухопутные и военно-морские силы в непосредственное вооруженное противостояние Красной армии на Кавказе. А это уже само по себе исключало прекращение снабжения ВСЮР как реального, боеспособного союзника, действовавшего на фланге нового, «Кавказского», фронта.

На помощь своему премьер-министру поспешил прийти Керзон, предложивший подробно расспросить о ситуации на Кавказе представителей Азербайджана и Грузии, присутствовавших здесь же, в здании Министерства иностранных дел. Предложение было принято, и заседание превратилось в длительное выяснение у Церетели и Магеррамова обороноспособности их республик, их отношений с Деникиным и состояния деникинских войск, в ходе которого выяснилось, что ни политические лидеры, ни верховные командующие двух государств Закавказья не представляли себе конкретно ситуацию на антибольшевистском юге России.

После того, как их отпустили, а также Фоша и Уилсона, Ллойд Джордж снова поставил свой вопрос на обсуждение: «Мы должны сейчас решить, какую поддержку следует оказать кавказским государствам. Маршал Фош сказал, что для этого необходимы три дивизии. Британское правительство не может выделить их». Вслед за ним Клемансо и Нитти заявили, что у них нет возможности послать войска³¹.

Тогда Ллойд Джордж заявил, что в таком случае необходимо изыскать возможность отправить в этот регион вооружение и снаряжение, аргументировав свое упорство следующим образом: «Я не вижу, что какой-нибудь ущерб может произойти от посылки

³¹ Ibid. P. 923.

вооружения и снабжения. Перед тем, как большевики могут достичь Кавказа, они должны пройти через наиболее производительные провинции южной России. Следовательно, они не будут нуждаться в захвате того продовольствия, которое мы можем послать на Кавказ. Что касается военных материалов, то красные уже имеют так много винтовок, что захват еще 25 или 50 тысяч не сделает большой разницы. Они захватили у генерала Деникина около 600 орудий, многие из которых сделаны в Великобритании, и они также захватили несколько прекрасных танков. В этих обстоятельствах опасность от снабжения кавказских государств определенным количеством орудий и винтовок не очень велика»³².

Аргументация эта была сомнительной убедительности, однако она вполне могла подействовать на Клемансо и Нитти уже хотя бы тем, что Великобритания брала на себя расходы по снабжению Грузии и Азербайджана, как брала до этого расходы по снабжению Деникина.

И это позволило Черчиллю, категорически не согласному с намерениями своего премьер-министра, быть более решительным и, воспользовавшись позицией верховного командования Антанты, заручиться общим мнением других членов Верховного совета насчет необходимости продолжать снабжение ВСЮР. Взяв слово, он выразил надежду, что «любое выделение оружия кавказским государствам не будет взято из последнего “пакета” снабжения, которое должно быть послано генералу Деникину». На это Ллойд Джордж отреагировал довольно резкой репликой, что судьба «финального “пакета” Деникину является чисто британским делом», т. е. не следует обсуждать этот вопрос с представителями других держав Антанты³³.

В ходе дальнейшего обмена мнениями Клемансо согласился с позицией Ллойд Джорджа. Нитти же заявил, что итальянский парламент не одобрит этого, так как это будет вмешательством во внутренние дела России, и в любом случае он не сможет посылать военные материалы официально. На это Ллойд Джордж заметил, что оружие будет посылаться правительствам, признанным де-факто, и «это не может считаться вмешательством в русские дела, как могла считаться помощь Колчаку или Деникину»³⁴.

В итоге Верховный совет принял решение признать де-факто правительство Армении, не посылать на Кавказ три союзные дивизии, согласиться в принципе на посылку кавказским государствам вооружения, снаряжения и, возможно, продовольствия³⁵.

³² Ibid. P. 923, 924.

³³ Ibid. P. 924.

³⁴ Ibid. P. 924.

³⁵ Ibid. P. 924, 925.

С 12 февраля по 10 апреля в Лондоне состоялась очередная конференция военно-политических руководителей ведущих держав Антанты. На ней ярче прежнего обнаружилось, что каждая из них имеет свои собственные интересы в «русском вопросе» и собственное видение его решения, поэтому дискуссии носили острый характер, а выработка согласованной политики давалась с большим трудом.

19 февраля обсуждение положения в России началось с заявления члена французской делегации генерала А. Бертело. Прежде всего, он высказал мысль, что большевики в России имеют дело с «исключительно пассивным» населением, готовым переносить тяжелые страдания, но при продолжении политики экономической изоляции нормальная жизнь в России подойдет к концу и за этим неизбежно последует падение большевиков. Далее он констатировал, что советское правительство сразу вслед за решением Верховного совета об отмене блокады и возобновлении торговли через кооперативы установило контроль над кооперативными организациями и подчинило их себе через Литвинова (члена коллегии Наркомата по иностранным делам РСФСР) именно с целью вырвать-ся из международной изоляции. Предложения Бертело свелись к тому, чтобы, во-первых, не вступать ни в какие контакты с советским правительством, во-вторых, странам, пограничным с Россией, запретить вступать в переговоры с большевиками о мире и, в-третьих, обещать им помощь в случае, если большевики нападут на них.

При этом, убеждая участников конференции в том, что победа большевиков в русской гражданской войне еще не окончательна, он сообщил, что, «по последней информации, полученной от французских военных советников, Деникин уже укрепил границу по реке Дон и готовит новое наступление»³⁶.

Таким образом, французское правительство, как только стало очевидным, что британская политика, преследуя лишь свои собственные цели, создает ситуацию, когда цели самой Франции оказываются недостижимыми, предприняло попытку ревизовать решение Верховного совета от 16 января. При этом в качестве альтернативы было предложено, – правда, в слишком неопределенном виде – подталкивание соседних государств к войне против большевиков и продолжение помощи Деникину. Бертело не назвал Польшу, но было очевидно, что он имеет в виду прежде всего ее.

Нитти, возглавлявший итальянскую делегацию, заявил на это, что придерживается взглядов, совершенно противоположных тем, которые были высказаны французским представителем. И его аргументы были куда более четкими, конкретными и практичными, даже приземленными.

³⁶ Ibid. Vol. VII: 1920. L., 1958. P. 140–142..

Во-первых, Италия, лишенная возможности получать сырье из России и вынужденная покупать его в Америке значительно дороже, чем она раньше покупала в России, а потому все больше попадает в зависимость от дорогого американского импорта сырья (а значит, и от американских банков, кредитующих экспорт американского сырья в Италию).

Во-вторых, страны Антанты никогда не вели полномасштабной войны против Советской России. И сейчас ни Великобритания, ни Франция, ни тем более Италия, не способны вести такую войну.

В-третьих, союзники посылали оружие, амуницию и деньги антибольшевистским силам в России, а также окраинным государствам, но результат этих усилий был совершенно ничтожен. Только Польша показывает признаки способности сопротивляться большевикам, но эта политика представляет для нее самой «смертельный риск».

В-четвертых, в каждой западной стране есть пробольшевистские элементы в виде части населения, и симпатии к большевикам распространяются.

В-пятых, восстановление торговли с кооперативами далеко не равнозначно признанию большевистского правительства.

Отсюда Нитти делал обоснованный вывод: улучшить быстро экономическую ситуацию в Италии, как и во всей Европе, при сохранении с Советской Россией отношений «ни мир, ни война», невозможно³⁷.

Разногласиями между Францией и Италией умело воспользовался Ллойд Джордж, ставший после ухода Клемансо с поста главы французского правительства ведущим европейским политиком на конференции. Представив свою позицию как позицию объективного и умудренного опытом верховного арбитра, он заявил, что нет непримиримого противоречия между позицией Франции, которая «боится признания большевизма», и позицией Италии, которая считает необходимым «вернуть Россию в Европу», но при этом не признавать большевиков. Позиция Великобритании, по его уверениям, состоит в том, что даже при восстановлении экономических отношений большевики не могут быть признаны до тех пор, пока они не покажут своей способности стать «цивилизованным правительством»³⁸.

По поводу альтернативы, предложенной Бертело («Деникин перейдет реку Дон и снова начнет наступление на Москву»), он заявил, что такое развитие событий приведет лишь к обострению

³⁷ Ibid. P. 146, 147.

³⁸ Ibid. P. 148.

войны между большевиками и антибольшевиками и тогда гражданская война окончательно разрушит в России все, что жизненно важно для Европы, прежде всего сельское хозяйство³⁹.

Расчет Ллойд Джорджа состоял, судя по всему, в том, чтобы создать ситуацию, когда Франция по политическим мотивам откажется участвовать в торговле с Россией, а Италия не составит Великобритании серьезной конкуренции. И такой «расклад» позволит Великобритании перехватить не только бывшую германскую долю русского экспорта, но и большую часть французской доли.

Дальнейшая дискуссия по «русскому вопросу», продолженная 23 февраля, после прибытия в Лондон нового премьер-министра Франции А. Мильерана, велась вокруг польско-советских отношений и материальной помощи Польше. Мильеран категорически возражал против возобновления торговли из опасений, что со временем это приведет к признанию большевистского правительства, и активно искал силу, способную воевать с советским государством. При этом он отдавал явное предпочтение Польше, во вторую очередь он готов был помогать республикам Закавказья и совершенно уже не рассчитывал на войска Деникина.

Нитти и Ллойд Джордж прочно стояли на своих позициях, высказавшись за возобновление торговли без признания большевистского правительства и против помощи Польше.

Относительно воинственных намерений польского правительства Ллойд Джордж привел более чем трезвые и веские аргументы. Во-первых, Пилсудский считает себя способным достичь Москвы только потому, что никогда еще не вел серьезных боевых действий против Красной армии. Во-вторых, Великобритания и Италия не имеют возможности помочь Польше воевать против большевиков, тем более что посылаемое снабжение неминуемо попадает в руки этих самых большевиков. И в итоге он жестко предостерег Польшу: если поляки не хотят установить мир с Россией, то они должны взять на себя всю ответственность за последствия своей воинственной политики⁴⁰.

В ходе обсуждения итогового документа разногласия между лидерами, Францией и Великобританией, стали еще острее. Мильеран стремился так составить документ, чтобы страны Антанты в любом случае взяли на себя обязательство оказать Польше поддержку, независимо от того, кто, поляки или большевики, станут инициаторами новой войны. Нитти в требованиях восстановить торговлю с Россией пошел еще дальше, высказав мысль, что нормальные экономические отношения невозможны без отношений

³⁹ Ibid. P. 151.

⁴⁰ Ibid. P. 199–202.

политических и что реальная жизнь все-таки заставит страны Антанты устанавливать с большевистским правительством политические отношения и тем самым продвигаться к признанию его де-факто. Такая позиция Нитти позволила Ллойд Джорджу маневрировать и добиваться принятия документа, который соответствовал бы интересам Великобритании⁴¹.

В итоговом документе было заявлено: если пограничные с большевистской Россией «государства и власти» обратятся к Антанте за советом, то страны Антанты ответят, что не могут взять на себя ответственность советовать им продолжать войну, которая будет угрожать их собственным интересам, и еще менее они могут советовать проводить агрессивную политику в отношении России, но если большевистская Россия атакует эти страны в их «законных» границах, Антанта окажет им всю возможную помощь⁴².

«Захватническая политика» Польши – ее «смертельная ошибка»

25 апреля 1920 г. случилось то, чего с разными мыслями и чувствами ожидали в Лондоне, Париже, Риме, а также, естественно, Берлине: Войско Польское под главным командованием «начальника государства» Пилсудского атаковало позиции Красной армии по всей протяженности границы между Польшей и Советской Украиной. За счет численного превосходства оно сразу прорвало оборонительные рубежи Красной армии и развернуло широкие наступательные операции в направлении Киева и Одессы. Быстрое занятие и прочное присоединение бывших губерний Малороссии и Новороссии – в восприятии как идейных польских националистов, так и исполненных шляхетского гонора политических романтиков – вело к вожделенному и долгожданному возрождению «Великой Польши от моря до моря».

7 мая отступающие войска советского Юго-Западного фронта вынуждены были оставить Киев. Но вскоре Красная армия нанесла несколько тяжелых поражений полякам, и произошел неизбежный перелом: 12 июня советские части вернули Киев, Войско Польское начало отходить по всему фронту.

На 21–22 июня было намечено проведение очередной конференции лидеров ведущих держав Антанты в Булони. В связи с новой военной ситуацией на ней неминуемо должен был обсуждаться «русский вопрос». Многие французские политики стали

⁴¹ Ibid. P. 207–215.

⁴² Ibid. P. 216.

склоняться к тому, что необходимо оказать Польше самую широкую поддержку, причем важно, чтобы поддержка эта была оказана всеми странами Антанты, включая Великобританию [Карпенко 2006, с. 363–367].

22 июня, на второй день работы конференции, после обсуждения вопросов об уплате Германией военных контрибуций лидеры Антанты перешли к «русскому вопросу».

Обсуждение началось с заявления Ллойд Джорджа об исключительной важности выработки единой политики в «русском вопросе», поскольку Германия рассчитывает именно на разногласия внутри Антанты в политике по отношению к России. Заявив, что «сегодня не стоит вопроса признания советского правительства», Ллойд Джордж, однако, признал, что переговоры с советской делегацией, начатые в Лондоне, ведутся не только по вопросам торговли, но и по поводу ведения большевиками пропаганды, враждебной державам Антанты⁴³.

Такой подход вызвал твердое возражение Мильерана. Французский премьер-министр увидел в формуле Ллойд Джорджа, согласно которой следовало потребовать от большевиков прекращения «враждебной пропаганды и враждебных действий», опасность фактического начала переговоров по политическим вопросам, что могло привести к установлению политических отношений с большевистским правительством. При этом Мильеран совершенно четко сформулировал позицию Франции: признано может быть только то российское правительство, которое возьмет на себя ответственность за все, что делали предыдущие правительства, и прежде всего признает старые долги⁴⁴.

Далее новый глава итальянской делегации, министр иностранных дел К. Сфорца поднял вопрос о советско-польской войне. По этому поводу Ллойд Джордж заявил, что нет никаких сомнений в том, что польское наступление «объединило Россию», и сослался на мнение маршала Фоша, который еще в сентябре 1919 г. предупреждал, что именно это станет результатом польского наступления на русскую территорию. «Польша совершила смертельную ошибку» – таково было твердое заключение Ллойд Джорджа⁴⁵.

4 июля советские войска Западного фронта нанесли удар по позициям Войска Польского в Белоруссии и начали успешное наступление с целью прорваться к Варшаве и взять ее.

А 5 июля в Спа (Бельгия) открылась очередная конференция Антанты, которая продолжила работу до 16 июля. Одним из глав-

⁴³ Ibid. Vol. VIII: 1920. L., 1958. P. 375, 376.

⁴⁴ Ibid. P. 376, 377.

⁴⁵ Ibid. P. 378.

ных на ней стал «русский вопрос» – в первую очередь ситуация на советско-польском фронте, где поляки терпели одно поражение за другим и отступали на территорию этнической Польши.

9 июля в Спа состоялись переговоры между британской делегацией, возглавляемой Ллойд Джорджем, и французской делегацией, возглавляемой Мильераном. В ней принял участие и премьер-министр Польши В. Грабский.

В своем заявлении Грабский сообщил, что Польша оказалась в очень опасной ситуации по своей собственной вине и глава государства Пилсудский теперь признал свою ошибку. Польша не имеет достаточных резервов и военных материалов для сопротивления большевикам, она нуждается в получении военных материалов и моральной поддержке союзников по Антанте. Важнейшим жизненным вопросом для Польши, подчеркнул Грабский, является вопрос заключения мира с большевиками. Однако теперь, когда большевики побеждают, они предложат такие условия мира, которые Польша принять не сможет. Грабский поставил перед лидерами Великобритании и Франции вопрос, сможет ли Польша рассчитывать на их поддержку в случае, если большевики отвергнут мирные предложения и вторгнутся на ее исконную территорию⁴⁶.

Ллойд Джордж попросил маршала Фоша, который перед этим встречался с представителями Войска Польского, осветить положение на советско-польском фронте. Фош заявил, что в Белоруссии польские войска сохраняют боеспособность, а на Украине отступают из-за дезорганизации. По его мнению, ситуация не была смертельной или проигранной. Ллойд Джордж на это возразил, что, по его данным, положение гораздо более серьезно, так как Красная армия усиливает свою мощь и большевики ставят своей целью занять Польшу и выйти к германской границе. По его мнению, для Польши было бы ошибкой надеяться на то, что она способна изменить ситуацию к лучшему. Тогда Мильеран поинтересовался у Грабского, как долго Польша может оказывать сопротивление. И тот ответил, что большевикам потребуется несколько недель, чтобы дойти до этнической границы Польши⁴⁷.

Далее слово взял Ллойд Джордж. Смысл его выступления состоял в том, что ситуация одинаково опасна как для Польши, так и для всей Европы. Союзники установили независимость Польши, что стоило немалых жертв, и несут ответственность за сохранение этой независимости. Но Польша, к сожалению, не удовлетворилась своими национальными границами, захватив часть литовской, белорусской и украинской территорий, причем

⁴⁶ Ibid. P. 502.

⁴⁷ Ibid. P. 504.

на этих захваченных территориях бывшей Российской империи проживает от 20 до 30 миллионов русских, украинцев и белорусов. Фактически Польша вступила в борьбу со своими соседями, включая Германию.

В этой ситуации, как заявил Ллойд Джордж, он не уверен, что союзники могут сделать очень много, поскольку еще не решены вопросы выплаты Германией контрибуции и не подписан мирный договор с Турцией. Будет возможно что-то сделать, если под угрозой окажется независимость Польши, но ничего не может быть сделано, пока Польша на деле и на словах не откажется от «империалистической и захватнической политики».

Ллойд Джордж особо указал на то, что он даже не станет обращаться к британскому парламенту по вопросу оказания помощи Польше, пока речь не будет идти о защите ее независимости внутри собственных этнических границ. Только в этом случае Великобритания сможет оказать давление на Россию с целью установления ее мирных отношений с Польшей, и лишь только тогда, когда Россия откажется, Великобритания сможет помочь Польше защитить ее независимость⁴⁸.

Далее... А далее следует продолжение – героический и трагический «Поход за Вислу», задуманный руководством большевиков как средство «советизации» Польши и ставший ударом по «Версальской системе» международных отношений. Продолжение это порой считают достаточно полно изученным. И явно без достаточных на то оснований. Особенно с учетом того, что документы серии сборников “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series” используются историками лишь эпизодически и фрагментарно.

Заключение

Думается, что нет особой необходимости убеждать читателя в острой научной и политической актуальности рассмотренного в данной статье сюжета. Слишком хорошо известно, что многое в истории повторяется. Причем вовсе не обязательно как фарс.

Очевидно, что для глубокого, всестороннего и комплексного изучения всего «многообразия хаотично взаимосвязанных событий» советско-польских отношений 1918–1921 гг. и Советско-польской войны 1920 г. необходимо как можно шире использовать документы, опубликованные в серии сборников “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”.

⁴⁸ Ibid. P. 505.

А для этого требуется всестороннее изучение издания “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series” как уникального археографического труда, выявление его археографических достоинств и недостатков.

Не менее очевидна и важность глубокого источниковедческого анализа включенного в это многотомное издание комплекса дипломатических документов [Григорьева 2017, с. 96–120]. Этот анализ даст историкам возможность широко и уверенно использовать их в своих исследованиях международных вопросов. «Русского», «германского» и других вопросов, которые остро встали как перед победителями, так и перед побежденными в Первой мировой войне, которые во многом, если не решающим образом, предопределили события и масштабы Второй мировой войны, и которые столь разительно напоминают ситуации и проблемы дня сегодняшнего.

Литература

- Булдаков 2019 – Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности: О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 125–141.
- Григорьева 2017 – Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Инфра-М, 2017. 310 с.
- Карпенко 2006 – Карпенко С.В. Очерки Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 456 с.
- Карпенко 2009 – Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 432 с.
- Штейн 1949 – Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 464 с.
- Штейн 1958 – Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. М.: Политиздат, 1958. 334 с.

References

- Buldakov, V.P. (2019), “Plody metodologicheskoy bespomoshchnosti: O knige A.V. Ganina «Sem’ “pochemu” rossijskoj Grazhdanskoj vojny” [Results of methodological safety. About the book by A.V. Ganin “Seven why” of the Russian Civil War]”, *Bulletin of the Tver State University*, no. 1 (49), pp. 125–141.
- Grigor'eva, I.V. (2017), *Istochnikovedenie novoj i novejshej istorii stran Evropy i Ameriki* [Source criticism of the new and recent history of the countries of Europe and America], Infra-M, Moscow, Russia.
- Karpenko, S.V. (2006), *Oчерки Belogo dvizheniya na yuge Rossii* [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia], Ippolitov publishing house, Moscow, Russia.

- Karpenko, S.V. (2009), *Belye generaly i krasnaya smuta* [White Generals and Red Turmoil], Veche, Moscow, Russia.
- Shtejn, B.E. (1949), “Russkij vopros” na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920 gg.) [“The Russian Question” at the Paris Peace Conference (1919–1920)], Gospolitizdat, Moscow, Russia.
- Shtejn, B.E. (1958), “Russkij vopros” v 1920–1921 gg. [“The Russian Question” in 1920–1921], Politizdat, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей В. Карпенко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; skarpenk@mail.ru

Information about the author

Sergey V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; skarpenk@mail.ru